

Легенды и мифы онлайн-тестирования: истина где-то рядом

Григорьев В. Ю. *, Новикова С. Е.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация; *grigorev-vy@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются перспективы дистанционного формата оценивания компетенций через сравнительный анализ с развитием классических шахмат, делается вывод о необходимости переосмысления роли и места онлайн-тестирования.

Ключевые слова: дистанционное образование, независимая оценка компетенций, прокторинг, читерство

Для цитирования: Григорьев В. Ю., Новикова С. Е. Легенды и мифы онлайн-тестирования: истина где-то рядом // Управленческое консультирование. 2020. № 10. С. 124–134.

Legends and Myths of Online Testing: The Truth is Out There

Valery Yu. Grigorev*, Svetlana E. Novikova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation; *grigorev-vy@ranepa.ru

ABSTRACT

The article discusses the prospects of the remote format for assessing competencies through a comparative analysis with the development of classical chess, concludes that it is necessary to rethink the role and place of online testing.

Keywords: distance education, independent assessment of competencies, proctoring, cheating

For citing: Grigorev V.Yu., Novikova S. E. Legends and Myths of Online Testing: The Truth is Out There // Administrative consulting. 2020. N 10. P. 124–134.

Культура все еще хочет, чтобы ее в некотором смысле играли — по взаимному соглашению относительно определенных правил. Подлинная культура требует всегда и в любом отношении fair play [честной игры], а fair play есть не что иное, как выраженный в терминах игры эквивалент добропорядочности.

Йохан Хейзинга. «Человек играющий. Опыт определения игрового элемента культуры»

Еще буквально полгода назад, наблюдая за трендами и высказываниями различных визионеров от образования, складывалось абсолютное впечатление — еще год, максимум два — и все: онлайн-образование практически потеснит классическое. Это мнение тем более доминировало (и продолжает доминировать) при обыгрывании модной ныне темы — «рынку нужны короткие образовательные программы», «университетское образование себя изживает», «работодателя не интересует диплом». То есть вроде бы нужно обеспечить массовую независимую онлайн-оценку

компетенций — и золотой ключик у нас в кармане. Например, Российская академия народного хозяйства при Президенте Российской Федерации по заказу Минкомсвязи разрабатывает модель и платформу независимой оценки гражданами компетенций цифровой экономики, витрина которой располагается по адресу: <http://vitrinadiagnostik.ru>.

Казалось бы, пандемия предоставила прекрасный шанс переключить кран образования на дистанционный формат, но именно вынужденный форсированный перевод процесса обучения в онлайн многое расставил по своим местам — выявилась реальная степень неподготовленности к этому со стороны преподавателей, учащихся, всей системы образования в целом. Он же позволил акцентировать внимание на связанных с этим проблемах, одной из которых является как раз «оценка».

Очевидно, что любая система обучения требует подтверждения полученных в ходе образовательного процесса знаний (навыков, умений, компетенций и т. д.), т. е. получения оценки. Но если оценивание происходит в дистанционном формате, то возникают нюансы с обеспечением валидности самой процедуры онлайн-оценки. Речь не о профпригодности оценивания с методологических позиций — самой методики оценивания, соответствия банка знаний вопросов оцениваемой компетенции и тому подобному, а именно о достоверности полученного результата. Возможно ли при имеющемся уровне развития технологий обеспечить идентификацию сдающего, а также проследить за самой процедурой экзамена? Принципиально — вроде бы да. Понятие прокторинга достаточно давно известно не только экспертам. Однако тут возникают другие вопросы — обеспечивается ли прокторинг на самом деле или только декларируется? Если обеспечивается, то какой ценой? И необходима ли такая тотальная система контроля и всем ли она доступна?

Специалисты по безопасности прекрасно знают, что соотношение между защитой и проникновением всегда находится в зависимости от ценности того, что защищается, и стоимости организации взлома. Это касается не только информационных систем, но их в первую очередь. Никто не будет нанимать хакера за миллион рублей, если нужно украсть сто тысяч, или если проще заплатить охраннику, который сам принесет вам интересующую вас информацию.

Это правило представляется абсолютно применимым к жульничеству при дистанционном формате оценивания. Если сам тестируемый заинтересован в объективной оценке, ему не нужно прибегать к каким-либо нечестным методам и, по сути, прокторинг не нужен. А вот если он сдает ЕГЭ, и на кону стоит поступление в вуз мечты, то следует сравнивать стоимость взлома системы прокторинга и стоимость альтернативного поступления в вуз. Борьба на финансовой поляне за счет все более и более сложных алгоритмов и аппаратуры слежения представляется не разумной, так как стоимость тестирования окажется за пределами здравого смысла. А главное — сдающий может потратить условно любую сумму на взлом системы прокторинга — она априори не выйдет за пределы стоимости платного обучения в ведущих вузах или стоимости репетиторства.

Любопытно, что подобная проблема имеет место в совершенно, казалось бы, не родственной деятельности, а именно — игре в шахматы. И там, можно считать, ситуация уже подходит к своему логическому завершению.

Классические шахматы довольно долго развивались в «аналоговом» формате, когда подготовка к партии, сама игра и анализ позиции в случае откладывания партии происходили за счет прежде всего мыслительного процесса самого играющего (и его команды в случае матчей на самом высшем уровне). Даже с появлением компьютеров сильные шахматисты не боялись шахматных программ, более того существовала отдельная разновидность турниров — шахматы по переписке, когда соперники могли спокойно анализировать позиции часами у себя дома.

Компьютер не являлся конкурентом человека, и еще в 1968 г. средний гроссмейстер мог относительно уверенно смотреть в будущее, как например, Дэвид Леви, который выиграл пари, что никакой компьютер не обыграет его в ближайшие десять лет¹. При этом любопытно отметить, что попытки представить превосходство машины над человеком можно найти еще в создании Вольфрангом фон Кемпеленом шахматного автомата «турка» (1769 г.)². Отмечается, что «турок» сыграл шахматную партию с Наполеоном. Вскоре было обнаружено, что играет не сам автомат, а человек, сидящий в устройстве.

Фатальный перелом наступил в 1994–1997 гг., когда сначала компьютер победил чемпиона мира Гарри Каспарова в блиц, потом обыграл его в одной из партий матча в классические шахматы, и наконец, выиграл и сам матч в классические шахматы. Само по себе это было бы не страшно, но параллельно с этим практически линейно снижалась стоимость владения шахматным помощником за счет общего развития ИТ. И уже довольно давно любой человек, который принципиально умеет играть в шахматы на уровне знания шахматной нотации (умеет ходить фигурами и записывать ходы), может обыграть очень сильного гроссмейстера, если у него в доступе будет компьютер с установленной программой.

Таким образом, компьютерные технологии предоставили обиженным нубам (новичкам) не только новые возможности для читинга (оно же читерство), т. е. мошенничества, что получает проявление в попытках игроком пользоваться компьютерными программами во время игры, а также возможность с помощью коммуникационных средств обращаться за советом к профессионалу или просто человеку, имеющему доступ к компьютерным программам.

В целом возможность хранить и анализировать большой объем информации ставит в неравную борьбу человека и компьютер. Война человек-машина в шахматах больше не оспаривается: «Компьютеры лучше нас», — заключила Рут Харинг³.

Темная сторона такого превосходства и заключается как раз в повсеместном мошенничестве с применением человеком технологий в последние годы. Как отмечает детектив и профессор компьютерных наук Университета штата Нью-Йорк в Буффало Кен Риган, любой iPad сегодня так же хорош, как суперкомпьютер был 20 лет назад, и, получается тем самым, что улучшенные шахматные алгоритмы практически у каждого под рукой⁴.

На World Open в Филадельфии в 2006 г. директор турнира Майк Аткинс выявил нечестного игрока (Стива Розенберга), обнаружив у того электронное устройство в ухе. Розенберг отказался отвечать на вопросы Аткинса, за что тот принял эти ответы за признание и выгнал его с турнира. Розенберг больше не появлялся в соревновательных шахматных кругах.

Наиболее частым наказанием за такие подобные нарушения является дисквалификация. Так, в 2013 г.⁵ на Cork Congress был пойман румынский шахматист Габриэль Мирза, которого отстранили от участия в соревнованиях на четыре месяца. Эксперты называют такое наказание мягким, чаще всего период отстранения намного больше.

Безусловно, уже появились программы, которые настроены на анализ партий с дальнейшим выявлением читеров. Но нужно отметить, что разработка и использование таких программ требует дополнительных денежных средств, и учитывать

¹ Шахматное противостояние человека и компьютера. Справка // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20061206/56518238.html> (дата обращения: 08.07.2020).

² Одиссея шахматного автомата [Электронный ресурс]. URL: https://chesspro.ru/_events/2007/henkel.html (дата обращения: 08.07.2020).

³ <http://grantland.com/features/the-evolution-cheating-chess/>.

⁴ <https://www.npr.org/2014/06/21/324222845/how-to-catch-a-chess-cheater>.

⁵ <https://www.herald.ie/news/teen-caught-in-chess-cheat-row-is-banned-30127759.html>.

то, что читер в лице опытного игрока-профессионала может обмануть такую программу. Хотя, по мнению разработчиков программного обеспечения, шахматисты не достаточно хороши, чтобы выйти «сухими из воды» (Ларри Кауфман, Рубка)¹.

Все это привело к тому, что турниров по классическим шахматам проводится все меньше. Так, согласно статистике РШТ² в марте этого года в России состоялись 175 шахматных турниров, из которых «классика» составила только 38 турниров, остальное — рапид (в большей степени) и блиц.

В итоге статус-кво в шахматах сейчас таков:

1) В штатном режиме развиваются шахматы «для души», когда участники не преследуют каких-либо финансовых или других выгод, а играют ради удовольствия. Как правило, это относится уже к игрокам-пенсионерам, которые при этом или не могут пользоваться компьютерной помощью, или им это не интересно.

2) Продолжается интенсивный уход средних и сильных шахматистов в быстрые шахматы (рапид или блиц), когда помощь компьютера становится невозможной или неэффективной. В эту категорию попадает подавляющее большинство коммерческих турниров.

3) Проводится ограниченное количество турниров со специальными античитинговыми мероприятиями, но и здесь следует сделать оговорку. Второй проблемой проникновения компьютерных технологий в шахматы является интенсивное развитие дебютной теории, которое привело к тому, что игроки в ходе партии начинали делать реальные (продуманные за доской), а незаученные ходы только на втором десятке ходов. В таком случае уходит возможность экспериментировать и творить в начальной части партии. Причем вся дебютная подготовка тоже, по сути, отдана на откуп компьютерам и базам данных.

В целях проверки реальных игровых навыков, а не возможностей к заучиванию дебютных ходов, в конце XX в. появилось много новых видов и модификаций шахмат, к примеру, шахматы Фишера (1996 г., «fischerandom chess»). Шахматы Фишера или шахматы-960 (по количеству возможных начальных позиций) — шахматы с выбранной случайной расстановкой фигур³, что позволяет лучше выявлять реальные игровые навыки шахматиста. Начиная с 2000 г. проводятся показательные партии в шахматы Фишера, чаще всего в качестве дополнения к обычным шахматным турнирам. Первый официальный чемпионат мира ФИДЕ по шахматам-960 прошел совсем недавно в 2019 г. в Осло.

По мнению Анатолия Карпова, плюс шахмат Фишера совершенно очевиден: «в пору компьютеров Фишер пытается уйти от домашней подготовки и считает, что таким образом он снимает важность набора какой-то команды, работы с компьютером»⁴. И несмотря на то что в миттельшпиле и особенно эндшпиле никакой разницы между шахматами Фишера и классическими шахматами нет, эксперты отмечают, что «теряется некоторая гармония игры». «Трудно объяснить это словами, но, когда в начальной позиции слон стоит на h8, конь на g8 и ладья на f8, то теряется ощущение эстетики шахмат. К стати, я спрашивал шахматистов — у многих возникает то же ощущение: что-то «не то», как-то некрасиво... Да и любители привыкли к красоте взаимодействия фигур при обычной начальной расстановке» (Владимир Крамник⁵).

¹ <http://grantland.com/features/the-evolution-cheating-chess>.

² Результаты шахматных турниров [Электронный ресурс]. URL: <https://chessresults.ru/ru/tournaments> (дата обращения: 08.07.2020).

³ Случайные шахматы Фишера [Электронный ресурс]. URL: <https://chess-samara.ru/library/articles/?id=36> (дата обращения: 08.07.2020).

⁴ Интервью Анатолия Карпова изданию РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20050921/41467259.html> (дата обращения: 08.07.2020).

⁵ Интервью Владимира Крамника [Электронный ресурс]. URL: <http://www.e3e5.com/article.php?id=197> (дата обращения: 08.07.2020).

Несмотря на то, что шахматы Фишера получают как положительную, так и отрицательную оценку относительно их влияния на развитие и сохранение «классики», создано множество радикальных модификаций классических шахмат, которые фактически представляют из себя уже новые игры с сохранением только внешнего вида и основных принципов шахмат (к примеру, гексагональные шахматы Глинского, шахматы Капабланки).

Если применить «шахматные» выводы к образованию, то напрашивается почти полная аналогия. Реально применимы лишь четыре сценария использования онлайн-режима оценивания:

1) оценивание «для себя», когда испытуемый сам заинтересован в объективной оценке своих знаний и умений, а использование прокторинга лишено смысла (аналог любительских шахмат);

2) переход на быстрые тесты с неминуемо вытекающим отсюда кардинальным упрощением заданий в силу невозможности применения более и менее сложных вопросов, требующих значительного времени на размышление (аналог рапида или блица);

3) проведение онлайн-оценки только в специально оборудованном для этого «центре оценивания», где уже теоретически возможно достижение необходимых параметров гарантии честности, но с сохранением всех коррупционных рисков, которые плавно перейдут в эти центры (аналог турниров высокого уровня), и уже говорить о массовости онлайн-тестирования здесь можно только с большой долей условности;

4) все же в образовании есть еще один сценарий, которого нет в шахматах в силу специфики, а именно — использование независимой онлайн-оценки в нишевом сегменте трудоустройства, когда сам по себе подтверждающий документ не является исчерпывающим доказательством владения компетенцией, а лишь «входным билетом» для начала последующего процесса собеседования с потенциальным работодателем. В данном случае обманывать отчасти бессмысленно, поскольку все равно придется доказывать не случайность успешного прохождения теста.

Взглянем теперь на эту ситуацию с позиций общественных отношений, где категория «доступа» является одной из ведущих при описании современной модели социального неравенства. Наиболее комплексный подход можно найти у американского социального философа Джереми Рифкина («Эпоха доступа», «Век биотеха», «Конец работы»).

Согласно Дж. Рифкину, основными характеристиками общества «эпохи доступа» являются то, что:

- рынки заменяются сетевыми отношениями;
- отношения владения заменяются отношениями доступа (к примеру, к информационным технологиям, коммерциализированной культуре и человеческому опыту);
- маргинализация физической собственности приводит к доминированию интеллектуальной собственности.

Современными отечественными учеными выделяются три уровня существующего цифрового разрыва в России, такие как: материальная база для использования цифровыми технологиями, непосредственно навыки использования цифровых технологий, а также шансы и жизненные возможности, обусловленные последним. Исследователи заключают, что первый элемент цифрового разрыва начинает нивелироваться, тогда как второй и третий элемент остаются на том же уровне распространения [1]. В России к тому же прослеживается общемировая тенденция сохранения серьезного цифрового разрыва между поколениями: наиболее активными пользователями являются возрастные группы до 34 лет¹.

¹ Исследование Growth from knowledge: Проникновение интернета в России. 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gfk.com/ru/insaiity/press-release/issledovanie-gfk-proniknovenie-interneta-v-rossii-1/> (дата обращения: 08.07.2020).

Это отражает наличие ограничений у людей старшего возраста в доступе к получению онлайн-образования, хотя в последние годы многие программы повышения квалификации и профессиональной переподготовки ставят во главу угла обучение взрослых.

Это свидетельствует о том, что говорить о наличии единых условий для осуществления прокторинга невозможно. Тот, кто обладает информационными технологиями и средствами для осуществления прокторинга, будет иметь более качественную оценку процедур контроля. К тому же качество проверки, вероятно, будет определять также и репутацию образовательных учреждений.

Но ставить вопрос о качестве оценки прокторинга в целом преждевременно и требует обсуждения в связи с тем, что проведение оценивания в режиме онлайн меняет в принципе подход к оценке и к ее процедурам. К тому же в связи с формированием перехода на дистанционный формат обучения многие учащиеся находятся в состоянии стресса и беспокойства, и дополнительный контроль может только навредить.

Интересным является применяемая в современных прокторинговых системах процедура наблюдения за экзаменуемым, которая не сообщает последнему о своих решениях. Получается, что экзаменуемый только после завершения прохождения экзамена может узнать, какие именно действия учащегося были зафиксированы в качестве нарушения. Это способствует тому, что у человека создается впечатление и ощущение постоянного контроля, и тем самым он еще более ответственно подходит к решению, нарушать или лучше не стоит. Принцип такого воздействия на человека представляется «паноптикумичным».

Очевидно, что вопрос академической честности студентов возник задолго до появления дистанционного обучения и экзаменов, но современные технологии предоставляют на данный момент больше возможностей для читерства. Исследование американских ученых выявило мнение студентов относительно того, что «списать», читать в Интернете по время экзамена намного проще, чем при очной сдаче (такой точки зрения придерживались 73% учащихся) [2]. В то же время есть исследования, отражающие, что учащиеся, сдающие экзамен в онлайн-режиме без внешнего контроля, обманывают чаще, чем те, которые сдают экзамен с преподавателем лицом к лицу [3].

В Корею во время промежуточных экзаменов преподаватели высшей школы столкнулись с многочисленными проблемами, фактами мошенничества и обмана со стороны студентов. В связи с этим преподаватели начали прибегать к наблюдению через онлайн-камеры, к примеру, через Zoom. Также преподаватели прибегают к тестовому формату экзаменов, которые предполагают вопросы с несколькими вариантами ответов за короткое время. Так, к примеру, профессор психологии в университете Йонсей предоставляет студентам 30 секунд на то, чтобы студенты могли дать ответ на вопрос, аргументируя это тем, что даже если человек и ищет ответ в книге — ему понадобится больше времени¹.

В целом существующие практики прокторинговых систем можно классифицировать следующим образом². Во-первых, *пассивный мониторинг программного обеспечения* на компьютерах экзаменуемых осуществляется путем отслеживания приложений, на которых работают учащиеся на своих компьютерах, и того, переключаются ли они на другие приложения во время экзамена.

¹ В корейских вузах скоро пойдут итоговые экзамены. [Новости Южной Кореи] [Электронный ресурс]. URL: http://news.chosun.com/site/data/html_dir/2020/06/20/2020062000188.html (дата обращения: 08.07.2020).

² EDUCAUSE COVID-19 QuickPoll Results: Grading and Proctoring [Электронный ресурс]. URL: <https://er.educause.edu/blogs/2020/4/educause-covid-19-quickpoll-results-grading-and-proctoring-fn3> (дата обращения: 08.07.2020).

Во-вторых, имеет место *активное ограничение программного обеспечения* на компьютерах учащихся (с помощью приложения «Блокировка браузера» закрывается доступ к другим приложениям во время экзаменов).

В-третьих, можно выделить *пассивное видеонаблюдение за учащимися* с помощью программного обеспечения, которое обращается к веб-камере учащихся для непосредственной фиксации его действий. Так, онлайн-контроль происходит без экзаменатора, без участия человека. Записываются видео и звук, автоматически выявляется подозрительное поведение человека и фиксируются нарушения. За грубые нарушения (подмена экзаменуемого, копирование заданий) программа автоматически блокирует доступ к системе. После экзамена проверяющий может пересмотреть запись.

И наконец, *активное видеонаблюдение за учащимися* реализуется аналогично пассивному видеонаблюдению, но с добавлением мониторинга в режиме реального времени со стороны наблюдателей-людей. Один проктор (наблюдатель) может следить за несколькими учащимися одновременно.

Система прокторинга имеет ряд ограничений, что приводит к изменениям самой процедуры многих экзаменов. Затруднительным представляется написание различного рода эссе, обдумывание ответов на сложные экзаменационные вопросы в процессе осуществления контроля за взглядом экзаменуемого и пр. Получается, что онлайн-экзамены отражают только те знания, которые требуют запоминания информации, фактов, тогда как необходимо более глубокое осмысление и применение знаний по изучаемому предмету.

Осуществление онлайн-контроля предполагает упрощение самого экзамена с точки зрения сложности заданий в связи с сокращением предоставляемого для обдумывания ответов на вопросы времени и постановкой новых ограничительных мер одновременно с усложнением технического оснащения процедуры экзаменов.

Так, к примеру, традиционные эссе заменяются длинными ответами на вопросы¹, происходит стандартизация и унификация заданий, легче становится проводить оценку в форме тестирования, хотя этот «традиционный метод оценки» давно вызывает споры среди профессионального сообщества. Так, Том Хеймс, консультант дизайнерской лаборатории IdeaSpaces, заключает, что переход к дистанционному обучению показал «трещины в этом способе мышления», большинство тестов плохо справляются с измерением фактического глубокого обучения². К тому же ответы на закрытые тесты легче найти в интернете или учебниках.

Также не все экзамены возможно осуществлять в дистанционном формате, например, по такой дисциплине, как уход за больными. Как заключает Регги Кван, проректор Открытого университета Гонконга (ОУНК): «*Медсестрам необходимо определенное количество часов практики для аккредитации. Никто не хочет, чтобы его лечил медицинский работник, который не практиковал инъекцию*»³.

Согласно апрельскому опросу Educause⁴, главными проблемами, с которыми сталкиваются учреждения, прибегающие к услугам прокторинговых систем, являются стоимость онлайн-контроля (58% респондентов), а также обеспечение конфиденциальности данных учащихся (51%) (рис.).

Стоит отметить, что большая часть опрошенных — респонденты США, также приняли участие респонденты из Австралии, Канады, Китая (Гонконга), Финляндии, Ирландии и других стран.

¹ <https://www.hse.ru/en/news/edu/373078995.html>.

² <https://www.insidehighered.com/news/2020/05/11/online-proctoring-surg-ing-during-covid-19>.

³ <https://www.timeshighereducation.com/news/could-online-exams-transform-how-we-think-about-learning>.

⁴ Colleen Flaherty. Is the fight against cheating during remote instruction worth enlisting third-party student surveillance platforms? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.insidehighered.com/news/2020/05/11/online-proctoring-surg-ing-during-covid-19> (дата обращения: 08.07.2020).

Рис. Проблемы, связанные с онлайн-прокторингом
Fig. Online Proctoring Issues

За рубежом стоимость онлайн-экзамена колеблется от 7 до 15 долл. за автоматическую аутентификацию и от 10 до 25 долл. за экзамен, проводимый человеком в режиме реального времени (на момент 2017 г.). Колледжи и университеты, которые ежегодно проводят десятки тысяч экзаменов, и, как сообщается, учебные заведения либо взимают со студентов плату за каждый онлайн-тест, который они проходят, либо повышают общие сборы, чтобы покрыть общую стоимость онлайн-экзамена. Но будем учитывать ситуацию, что за рубежом в большинстве западных стран превалирует идея платного образования и вопрос распределения бюджета образовательной организацией иной¹.

Российские расценки можно проследить по предоставляемым одной из прокторинговых организаций ценовой сетке. Так, стоимость за проведение прокторинга в основном колеблется от 100 до 300 руб. за 1 час в расчете на каждого ученика². Представляется, что далеко не все учебные заведения в нашей стране (по крайней мере — пока) могут обеспечить такую часть расходов на прокторинг.

¹ EDUCAUSE COVID-19 QuickPoll Results: Grading and Proctoring [Электронный ресурс]. URL: <https://er.educause.edu/blogs/2020/4/educause-covid-19-quickpoll-results-grading-and-proctoring-fn3> (дата обращения: 08.07.2020).

² <https://ru.examus.net/products>.

Вопрос сохранности конфиденциальности получаемых прокторинговыми системами данных беспокоит как самих студентов, так и представителей профессионального сообщества. Несмотря на то, что прокторинговые компании гарантируют полную передачу получаемых данных учебному заведению и удаление их на своих серверах в течение определенного периода времени (к примеру, через 30 дней), некоторых экспертов беспокоит пункт в договоре об оказании услуг, в котором говорится, что в случае слияния/покупки сторонней организацией данной прокторинговой компании, последняя передает свои данные покупателю.

Член Европарламента от Голландской рабочей партии Пол Танг отмечает, что его беспокоит то, что собираемые данные являются биометрическими данными, т. е. это лица и глаза. По словам вице-президента школы по образованию университета Тилбурга (Нидерланды) Мориса Адамса, онлайн-прокторинг *«может быть использован только в том случае, если нарушение конфиденциальности может быть узаконено»*¹.

Кэти Остин, помощник вице-президента по информационным технологиям в Техасском техническом университете: *«Уважение прав и неприкосновенности частной жизни студентов перевешивает любую потребность в развертывании всех этих технологий»*².

В итоге в некоторых университетах отказываются использовать прокторинговые системы. Так, к примеру, в Университете штата Калифорния Нормандские острова обучается 6 тыс. студентов очной формы обучения. Только от 5 до 7% курсов реализуются в онлайн-формате, при этом все экзамены проходят в традиционной форме лицом к лицу³.

Также руководство многих университетов в связи со сложившейся ситуацией с пандемией коронавируса стремится отсрочить курсы, итоговые экзамены настолько это возможно для возобновления в дальнейшем процесса обучения в традиционном формате.

В некоторых университетах придерживаются стратегии, в основе которой лежит академическая честность, обращение к совести студентов (при очной сдаче экзамена в аудитории, где 100 чел., гарантировать отсутствие читеров не представляется возможным). Школа бизнеса Сеульского национального университета и Школа бизнеса Согангского университета решили просто получать онлайн-обещание от студентов⁴.

Студенты против. В Техасском технологическом университете (TTU) при изучении прокторинга было выявлено то, что совсем не было заложено исследователями — это негативная реакция со стороны студентов, подкрепляемая их восприятием онлайн-прокторинга в качестве вторжения со стороны «Большого брата»⁵. В университете Тилбурга (Нидерланды) студентами создана петиция⁶ в целях отмены использования в их университете прокторинговых систем⁷. В обращении сделан акцент на том, что не у всех есть компьютерное обеспечение, поддержи-

¹ <https://www.timeshighereducation.com/news/eu-lawmakers-call-online-exam-proctoring-privacy-probe>.

² <https://www.insidehighered.com/digital-learning/article/2017/05/10/online-exam-proctoring-catches-cheaters-raises-concerns>.

³ <https://www.insidehighered.com/digital-learning/article/2017/05/10/online-exam-proctoring-catches-cheaters-raises-concerns>.

⁴ http://news.chosun.com/site/data/html_dir/2020/06/20/2020062000188.html.

⁵ <https://www.insidehighered.com/digital-learning/article/2017/05/10/online-exam-proctoring-catches-cheaters-raises-concerns>.

⁶ <https://www.change.org/p/tilburg-university-stop-the-proctoring-exams-at-tilburg-university-and-give-us-alternative-examinations>.

⁷ <https://www.timeshighereducation.com/news/eu-lawmakers-call-online-exam-proctoring-privacy-probe>.

вающее прокторинговую систему, реализующуюся в их университете; идеальное интернет-соединение, которое всегда исправно работает; также студенты против сканирования их комнат (что является с их позиции вторжением в личную жизнь), а также мониторинга экрана, лица, движения глаз, микрофона.

Прокторинговые системы необходимы в рамках осуществления дистанционных курсов, в рамках корпоративного обучения (при этом в России оборот корпоративного обучения примерно в 10 раз меньше оборота онлайн-образования в целом¹), когда существует необходимость охватить большое число экзаменуемых, находящихся, к примеру, в географической удаленности или же крупной компании необходимо провести оценку своих сотрудников. В России по словам руководителей прокторинговых систем, рынок онлайн-контроля не развит, на прокторинг вузы выделяют только около 5% своих расходов на дистанционное обучение.

К вопросу о последствиях выявленных в результате проведения прокторинга нарушений, будь то правила игры или процедуры экзамена, следует сказать, что читинг в шахматах влечет более строгое наказание, нежели при онлайн-экзамене. Конечно, это определяется также масштабом шахматного турнира и типов экзамена, но профессиональное шахматное сообщество в целом направлено на ужесточение последствий для читеров.

К примеру, шахматист Укамант Шарма был дисквалифицирован в 2006 г. на 10 лет за использование мобильного устройства во время турнира. Такое решение секретарь AICF Д. В. Сундуря обосновал как ясное послание для всех потенциальных нарушителей².

Представляется, что за нарушение процедуры экзаменов можно было бы «банить» на несколько лет аналогично наказанию за читинг в шахматах, но если отстранение нечестного игрока скажется в основном на его карьере, то отстранение экзаменуемых от возможности получить образование будет иметь последствие для развития всего социума в целом.

Таким образом, высказанная нами по аналогии гипотеза о достаточно ограниченных возможностях применения онлайн-оценивания находит свое подтверждение, и можно предполагать, что в самое ближайшее время статус-кво онлайн-тестирования будет существенно изменен.

Литература

1. Добринская Д. Е., Мартыненко Т. С. Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2019. № 1. С. 108–120.
2. King C. G., Guyette R. W., Piotrowski C. Online exams and cheating: An empirical analysis of business students' views // The Journal of Educators Online. 2009. N 6 (1). P. 1–11.
3. Fask A., Englander F., Wang Z. Do online exams facilitate cheating? An experiment designed to separate out possible cheating from the effect of the online test taking environment // Journal of Academic Ethics. 2014. N 12 (2). P. 101–112.

Об авторах:

Григорьев Валерий Юрьевич, ведущий научный сотрудник Центра экономики непрерывного образования РАНХиГС (Москва, Российская Федерация), кандидат технических наук, доцент, лауреат Премии Президента России в области образования; grigorev-vy@ranepa.ru

¹ Смертина П. Как заработать миллионы на директорских шпаргалках [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2019/09/06/810601-kak-zarabotat-millions> (дата обращения: 08.07.2020).

² <http://www.cnn.com/2006/TECH/12/27/chess.cheater.reut/index.html> (с архива: <https://web.archive.org/web/20070101060744/http://www.cnn.com/2006/TECH/12/27/chess.cheater.reut/index.html>)

Новикова Светлана Евгеньевна, младший научный сотрудник Центра экономики непрерывного образования РАНХиГС (Москва, Российская Федерация); novikova-se@ranepa.ru

References

1. Dobrinskaya D. E., Martynenko T. S. Perspectives of the Russian Information Society: Digital Divide Levels // RUDN Journal of Sociology [Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya]. 2019. N 1. P. 108–120. (In rus)
2. King C. G., Guyette R. W., Piotrowski C. Online exams and cheating: An empirical analysis of business students' views // The Journal of Educators Online. 2009. N 6 (1). P. 1–11.
3. Fask A., Englander F., Wang Z. Do online exams facilitate cheating? An experiment designed to separate out possible cheating from the effect of the online test taking environment // Journal of Academic Ethics. 2014. N 12 (2). P. 101–112.

About the authors:

Valery Yu. Grigorev, Leading researcher of the Center of Economics of Continuous Education of RANEPА (Moscow, Russian Federation), PhD in Technical Sciences, Associate Professor, Laureate of the President of the Russian Federation Award in the Field of Education; grigorev-vy@ranepa.ru

Svetlana E. Novikova, Associate research fellow of the Center of Economics of Continuous Education of RANEPА (Moscow, Russian Federation); novikova-se@ranepa.ru